

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-inyushev-estafeta-pamyati-andreya-alekseeva>

А. Инюшев. «Эстафета памяти» Андрея Алексева

*Автор: А. Инюшев; "Парк Белинского"; А. Алексеев — Дата создания: 08.08.2014 —
Последние изменение: 08.08.2014 — [История](#)*

Участники: В. Мануйлов

Здесь - статья пензенского журналиста Антона Инюшева, впервые опубликованная в журнале "Парк Белинского" (2014, № 2).

В 2012 году в г. Пензе стал выходить новый общественно-политический, историко-публицистический и литературно-художественный журнал «Парк Белинского». Столичный журнал «Знамя» откликнулся на это событие.

Из статьи [Е. Сафоновой «Журнал вольнодумства» \(Знамя, 2013, № 9\)](#)

«В Пензе явился на свет ... интересный издательский продукт. Речь о журнале «Парк Белинского», издаваемом ИД «Валентин Мануйлов». В 2012 году появилось два номера, один раз в полгода....Бросается в глаза подзаголовок названия: «Журнал вольнодумства», контрастирующий с наименованием журнала, достаточно нейтральным и связанным, особенно в глазах пензенцев, с названием излюбленного места отдыха горожан. Кредо «журнала вольнодумства» «выводит» «Парк Белинского» из ряда региональных культурных изданий, непритязательно существующих, чтобы публиковать творчество земляков, — но и ко многому обязывает.

...Политика издания — «притяжение» творческой интеллигенции, формирование параллельного интеллектуального пространства; создание горизонтальных связей между ныне разрозненными «кучками интеллектуалов» ...»

Учредитель и главный редактор журнала - директор Института региональной политики (г. Пенза), кандидат философских наук Валентин Мануйлов. Начиная с 1994 г. занимается издательской деятельностью: издавал журнал «Земство» (1994-1996 гг.), журнал «Губерния» (1995-1998 гг.), с 2003 г. издает газету «Улица Московская», а теперь еще и журнал «Парк Белинского».

На сегодня вышло 6 номеров журнала «Парк Белинского».

Нам приходилось републиковать на Когита.ру некоторые материалы из этого журнала, еще когда у него не было своей сетевой версии. См.:

= [Гипотеза о «столичной» и «провинциальной» субкультурах и механизме чередования волн реформ и контрреформ](#) (авт. - В. Мануйлов)

= [Модернизация и законность. Не диктатура закона, а примат права над законом...](#) (авт. - А. Пригожин)

В очередном номере журнала (2014, № 2) появилась статья, на которую автору этих строк было трудно не обратить внимание. Ее автор – журналист, постоянный автор «журнала вольнодумства» Антон Инюшев. Статья называется: ««Эстафета памяти» Андрея Алексева». С А. И. я раньше не был знаком, и как он «разыскал» мои сочинения на эту тему я не знаю.

Редакция журнала любезно предоставила мне возможность ознакомиться с текстом данной статьи еще до ее публикации. Я написал главному редактору В. Мануйлову: «...Я прочитал текст Антона Инюшева ««Эстафета памяти» Андрея Алексева», предназначенный для очередного номера «Парка Белинского» и считаю его безукоризненным.

Автор в нем выступает не только популяризатором, но и, пожалуй, интерпретатором, выстраивая собственную логику изложения предмета, причем аккуратно и бережно по

отношению к оригиналу. Так что – передайте ему, пожалуйста, мою благодарность...» И вот статья вышла. С ней можно ознакомиться [на сайте журнала «Парк Белинского»](#). И я воспроизвожу ее полностью в своем блоге на Когита.ру.

Когда-то, больше полутора лет назад, мне довелось поместить на Когита.ру свою статью 2000 г. [«Эстафета памяти. Ресурсы, нормы и эффекты автобиографического повествования»](#). (Она и до этого многократно публиковалась и републиковалась; см., например: [Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 2, СПб.: Норма: 2003, с. 471-477](#)). Данная статья явилась если не начальной, то ключевой для целого цикла публикаций на генеалого-биографические темы, впоследствии собранного воедино. Наиболее полную и доступную в Сети версию этого цикла см. в журнале «7 искусств»: [«Корни и ветви. В помощь пишущим о предках и о себе самом/самой: «эстафета памяти» и два примера семейной хроники»](#).

Вероятно, с какой-то из версий указанного цикла статей ознакомился А. Инюшев.

Итак, читайте ««Эстафету памяти» Андрея Алексеева» А. Инюшева.

А. Алексеев. 8.08.2-14

**

«ЭСТАФЕТА ПАМЯТИ» АНДРЕЯ АЛЕКСЕЕВА

6 Авг 2014 ·

Антон Инюшев, 33 года, выпускник Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского (2003 г.). Постоянный автор журнала «Парк Белинского».

Эта статья о том, как личная и семейная истории человека соотносятся с «большой» историей государств и народов. В основе статьи – тексты и размышления социолога Андрея Алексеева, методолога биографического направления в российской социологии.

Клетки памяти

Прежде всего, Андрей Алексеев выделяет понятие «семейной памяти». Для того чтобы она проявилась, человек должен осознавать себя представителем определенного рода, звена в цепи поколений. При этом информация о его семье, а также памятные материальные объекты должны представлять ценность для индивида.

Один из важнейших тезисов Алексеева: без индивидуальной памяти не может быть и памяти коллективной. Социолог полагает, что память человечества может храниться не только «на скрижалях истории», но и в мельчайших «капиллярах» и «клеточках», в самой толще социальной жизни.

Наше общество старается институционализировать сохранение своей истории. Однако при этом не решается проблема сохранения памяти о жизни каждого человека. А для Алексеева эта проблема представляется крайне важной. Социолог предлагает решение: развитие и распространение культуры создания «автобиографических историй» и «семейных хроник» в каждой семье.

Автобиографическое повествование – это одна из важных форм презентации собственного жизненного пути. В семейных же хрониках с большей или меньшей степенью подробностей представлены жизненные пути всех членов многопоколенной семьи в их переплетении.

Андрей Алексеев выделяет 2 основных вида информации в семейной хронике. Первый – «генеалогическое дерево» и хотя бы минимум информации о предках, которых уже нет в живых. Здесь используются сохранившиеся документальные свидетельства и рассказы старших.

Другой вид – личные впечатления и воспоминания, относящиеся в первую очередь к собственным родителям.

В деле сохранения личной и семейной истории каждого человека Андрей Алексеев особо выделяет проблему моральной ответственности за сохранение информации, которой располагает только данный индивид и которая исчезнет невозвратно, если не будет транслирована младшему поколению.

Зачастую люди начинают интересоваться своей семейной историей достаточно поздно, когда старших уже нет в живых и «спросить не у кого». Устные биографические рассказы родителей стираются в памяти детей, в свое время не придавших этому значения.

И даже полученная младшими от старших информация трансформируется в «семейное предание», не поддающееся проверке. Люди редко берегут документальные свидетельства прошлого, а человеческая память со временем обрастает искажениями.

Андрей Алексеев: «Можно понять тех наших старших современников, которые в суебе буден не оставили детям писаной истории своей жизни (или намеренно «оберегли» своих детей от «опасной» информации из семейного прошлого, как это часто случалось у наших отцов и дедов).

Однако сегодня становится уже непростительным, если человек не рассказал, не записал, не зафиксировал (для своих детей, внуков) хотя бы минимума биографической информации о своих родителях: ведь после их смерти он зачастую оказывается единственным живым носителем этой информации. И когда он сам уйдет, взять ее будет почти неоткуда».

Сохранение семейной истории на сегодняшний день не вполне общественно осознано, отмечает Алексеев. Такая работа пока не вошла в повседневный быт и культурный обиход семей и граждан. Люди привыкли жить «сегодняшним днем», они редко оглядываются назад и зачастую не осознают свой собственный жизненный путь как некую культурную, духовную, социальную ценность.

Социолог полагает, что эту тенденцию необходимо переломить, и для этого могут потребоваться серьезные и целенаправленные усилия.

Андрей Алексеев: «Представляется необходимой пропаганда сохранения личных архивов в семьях. Здесь не идет речь об архивах «выдающихся людей» (которые имеют шанс получить государственное хранение и т. п.). Не только фотографии, но и всевозможные документы, письма, иногда – дневники, любые письменные свидетельства, оставшиеся от покойных, заслуживают сбережения детьми, внуками».

«Необходимо воспитание в людях и культуры жизнеописания как такового, и культуры сбережения личных архивов (прежде всего в семьях), и «культуры памяти» вообще, как неотъемлемого элемента цивилизованного общества и личности».

То есть должна быть задействована целая социокультурная программа воспитания и пропаганды. Понятно, что ее реализация вряд ли способна принести скорые плоды, но такую программу надо хотя бы сформулировать, полагает Алексеев.

Социолог еще раз подчеркивает: сбережения заслуживает память о любом человеке, а не только об «исторических личностях». И простейшим и универсальным способом сохранения памяти оказывается написанное самим человеком жизнеописание.

Память. Правила хранения

Андрей Алексеев выделяет некоторые нормы, которым, по его мысли, должны следовать автобиографические повествования и семейные хроники. Каждый человек должен оставить свое послание потомкам, и для этого ему необходимо соблюдать 3 постулата:

Постулат фиксации семейных корней. Всякая «история жизни», для какой бы цели она ни создавалась, должна включать генеалогическую информацию: столь подробную, насколько это под силу автору данной истории.

Постулат внятности биографического текста. Человек должен позаботиться о тех, кто его услышит или прочитает. В автобиографическом повествовании должны быть по возможности четко обозначены узловые точки «жизненной траектории» (что, где, когда...), хотя бы приблизительно датированы жизненные события.

Постулат ценности «истории жизни». Человек должен убедить себя или принять априори, что его жизненная история (семейная хроника) нужна, что она может быть востребована не сегодня, так завтра, близкими или далекими, знакомыми или не знакомыми ему людьми.

Далее Андрей Алексеев более подробно раскрывает последний постулат.

Зачем нужны автобиографии

Социолог обращается к вопросу об эффектах автобиографического повествования (или семейной хроники).

Первая группа эффектов – культурные: сбережение памяти о конкретном человеке (людях, роде), прежде всего в семье, как в клеточке общественного организма. «Истории жизни» и «биографии семей» нужны, чтобы их потом анализировать и обобщать (реконструировать эпоху, познавать ее «в человеческом измерении»). *Другая группа эффектов* – воспитательные. И это «педагогическое» воздействие автобиографических повествований может оказаться куда более эффективным, чем навязчивые попытки со стороны старших научить молодых «как жить» (от которых те зачастую отмахиваются). И *третья группа* – это такие эффекты, которые не всегда замечаются, но почти всегда присутствуют: эффекты ауторефлексивные. Всякий человек рано или поздно задумывается о собственной жизни.

Один – с горечью или тревогой, другой – с сознанием исполненного долга, третий – для того, чтобы «себя понять» или решить, «как жить дальше», четвертый – сравнивая свой жизненный путь с судьбами других членов рода.

При этом у автобиографического повествования часто возникает особый психотерапевтический эффект. В итоге воспоминаний о жизни человек, как правило, имеет возможность убедиться, что все же «не зря жил» (или «не зря живет»); а если не все в жизни удалось (удается), то, оказывается, он сделал (делает), «что мог» («что может»)... Сожаление же об утраченных возможностях, будучи выговоренным, меньше берedit душу.

Кроме того, автобиографические повествования являются еще и способом самовыражения, самопознания и самоутверждения личности. Жизнеописание (иногда вырастающее в «размышление о жизни») есть шанс для всякого человека продлить себя (или себя и других – для случая семейных хроник) если не в веках, то в десятилетиях – в памяти индивидуальной, семейной, коллективной.

«Протоколы жизни»

Помимо всех прочих способов сохранить личную память, Андрей Алексеев выделяет еще один, очень особенный подвид дневников – так называемые «протоколы памяти».

Социолог отдает должное такому виду жизнеописаний, как мемуары. Однако, отмечает Алексеев, они являют собой лишь опосредованную позднейшим жизненным опытом субъекта (не говоря уж об естественных ошибках памяти) вторичную реконструкцию, ретроспективу жизненного пути. Это действительно документы времени, но скорее нынешнего, чем минувшего. Мемуары являются современными свидетельствами о прошлом и, так или иначе, имеют мифологический характер.

Андрей Алексеев: «Иначе обстоит дело с «первозданными» личностными документами, каковыми являются, в частности, дневники и письма. Разумеется, и в них аккумулирован жизненный опыт автора, но только предшествующий, и существенно влияние «господствующих мыслей» эпохи, но только тогдашней. Поэтому при работе с документами такого рода исследователю приходится учитывать только их «непосредственную» субъективность и культурно-историческую обусловленность».

Дневник есть универсальная форма аутокоммуникации, способ оперативного отображения личностью (для себя самой) внешних и внутренних событий своей жизни, отмечает социолог.

Описываемые в дневнике события неизбежно вплетены как в жизнь непосредственного окружения пишущего, так и в жизнь историческую. Во многом в силу этого дневник может приобрести и иногда приобретает (независимо от намерений автора) смысл «послания» (другому лицу) или «свидетельства» (для других) – как биографии, так и истории. Андрей Алексеев выделяет 3 типа дневников: «дневник души» – с личными переживаниями и самоанализом, «дневник духа» – копилку мыслей и образов, «дневник факта», где упор делается на «внешних» событиях жизни, а личные переживания почти отсутствуют.

Социолог привлекает внимание читателей к любопытной разновидности «дневника факта». Ее цель – фиксация событий частной жизни на стыках с жизнью общественной в тех точках, где та и другая «пересекаются». То есть целевая установка на фактографию в контексте данного исторического времени.

Андрей Алексеев: «Для такого рода дневника уместно использовать термин «протокол». Данную разновидность «дневника факта» будем называть протоколом жизни».

Андрей Алексеев приводит цитату Алексея Вульфа, приятеля Пушкина: «Непрерывно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться».

В этой спонтанной формуле, полагает Алексеев, выражена суть «протоколов жизни».

Далее социолог методом от противного пытается пояснить, что же это за «протоколы». Он отмечает, что такие дневники не являются хроникой общественной жизни. Они не должны конкурировать, скажем, со СМИ, которые создают «летописи современности».

«Протокол жизни» отображает только те социальные (возможно, мелкие и частные) события, эпизоды, в которых субъект жизни лично участвовал, был если не действующим лицом, то хотя бы очевидцем. В таком случае этот «протокол» приобретает характер жизненного свидетельства, тем, прежде всего, и ценного, что оно есть свидетельство непосредственного участника или наблюдателя.

Кроме того, протокол не «ретроспекция», не отложенное во времени описание или реинтерпретация. Он ведется в ходе события или составляется по его «горячим следам».

Это первичный, а не вторичный документ личности и времени, не замутненный последующими напластованиями индивидуальной субъективности и влияний социокультурной среды.

«Протоколы жизни» изначально пишутся для других, для общественности.

Андрей Алексеев дает определение: «Протокол жизни» – будь то за определенный период времени, будь то относящийся к отдельному событию – это первичный личностно-общественный документ. Он есть актуальное свидетельство очевидца или действующего лица (актера), выступающего наблюдающим участником драмы собственной жизни (всегда вплетенной в общественную и – в пределе – в «мировую драму»).

Андрей Алексеев рассказывает и о собственных попытках вести «протокол жизни». Он отмечает, что очень скоро ему стало тесно в рамках даже такого свободного, лишь чуть структурированного протокола. Еще не успевший устояться жанр «полевого» дневника довольно быстро сменился «письмами-дневниками-отчетами» друзьям (коллегам), насыщенными не только социальными фактами, но и субъективным отношением к ним, включая личные переживания и размышления.

Но в середине 1980-х автором заинтересовалась одна государственная организация, занимающаяся инакомыслящими. Это вмешательство, как ни удивительно, лишь помогло оформиться и кристаллизироваться жанру «протоколов жизни».

Алексеев столкнулся с необходимостью следить за тем, чтобы его записи, если и попадут (в результате очередного досмотра или обыска) в руки к «оппонентам», не вызвали новых нареканий.

Выход был один – строгий протоколизм: кто что сказал, сделал, когда, при каких обстоятельствах, кто присутствовал. Никаких оценок, минимум комментариев, «голые» факты (впрочем, красноречивые). Авторское отношение к событиям – только в подтексте (или контексте).

Будущее «дневникового» жанра

Андрей Алексеев с сожалением отмечает, что дневниковая активность современного человека куда слабее активности мемуарной. Что уж говорить о такой редкой разновидности, как «протоколы памяти».

Андрей Алексеев: «Было бы, конечно, наивно ожидать, что кто-либо станет на протяжении всей жизни «сканировать», скажем, свое взаимодействие с социальными институтами. Однако бывают и максималистские примеры ответственности человека перед собой и перед временем. И те «протоколы жизни», которые уцелеют, впоследствии станут ценным культурно-историческим свидетельством (безотносительно к «важности» эпизода или «масштабу» личности автора)».

Алексеев полагает, что бурное развитие интернета будет способствовать выработке массовой культурной привычки описывать современные происшествия.

Общим итогом статьи может стать вот эта мысль Андрея Алексеева: «Генеалогическая, историко-биографическая, семейно-хроникальная деятельность оказывается эффективным инструментом «само-просвещения» и «само-воспитания» народа».

Социолог полагает, что этот инструмент особенно необходим сегодня, когда исторические взгляды людей порой пытаются подчинить сиюминутным политическим интересам, а некоторые силы и вовсе заинтересованы в насаждении «социальной амнезии».

Полное собрание текстов Андрея Алексеева на эту тему представлено здесь: Алексеев А. Н. Биографический дискурс: акт общения, отображение реальности и изъяснение себя (заметки об «эстафете памяти» / Право на имя: Биографика XX века. Чтения памяти Вениамина Иофе. Избранное. 2003-2012. СПб.: Норма, 2013. С. 351-384.